

РЕЦЕНЗИИ

Ант.ипова А. М. Ритмическая система английской речи. М.: Высшая школа, 1984. 149 с.

Преимущественное назначение «Библиотеки филолога», в которой вышла рецензируемая книга, — формировать круг филологических пособий для высшей школы. Однако, кажется, стало уже традицией выпускать в этой серии не учебники, где давалось бы изложение устоявшегося в науке свода знаний, но, скорее, педагогически ориентированные исследовательские монографии. И это отнюдь не недостаток — напротив, достоинство: учебное пособие, которое выполняет свое предназначение как таковое и в то же время сообщает результаты оригинальных исследований автора, несомненно, ценно вдвойне. Этими качествами в целом обладает и рецензируемая книга А. М. Антиповой.

Преподаватели иностранных языков хорошо знают, что едва ли не самая трудная задача — добиться «ритмически адекватной» речи, без чего иностранный язык, осваиваемый учащимися, обречен так и остаться в его устах «иностранным». Эта методическая задача не будет сводиться к инструкции «делаю, как я» (или «как магнитофон»), если мы поймем законы и механизмы ритмики. Но далеко не только методикой ограничивается релевантность такой сферы, как ритмика. В последнее время становится все более ясным, что ритму принадлежит исключительно важная роль в речевой деятельности: в языке широко используется естественно присущая человеку тенденция к ритмизации всех без исключения движений, процессов [1, с. 10]. Поэтому изучение соответствующих проблем на материале конкретных языков становится насущной необходимостью.

Книга имеет достаточно четкую структуру: сначала вводится понятие ритма в широком контексте его неречевых и речевых проявлений, затем устанавливается набор ритмических единиц прозаической и стихотворной речи, после чего предпринимается изучение просодики (автор предпочитает термин «просодия») как ведущего средства ритмизации речевого потока (гл. I). В главах II и III исследуется ритмообразующая функция просодики в прозе и стихах соответствен-

но, а предмет главы IV — особенности стихотворной и прозаической речи как результат взаимодействия ритмообразующей и стилиевой функции просодики. Вся работа — это надо подчеркнуть сразу же — построена на обширном экспериментальном материале, полученном автором.

Вероятно, самые интересные (и самые сложные) вопрос — это проблема ритмических единиц. То, что ритмизованность заключается в более или менее регулярном воспроизведении однотипных, соизмеримых структур известно давно и, в сущности, является определенным ритма. Но какова природа этих единиц? Основной недостаток многих работ, посвященных ритмике, — это априорное убеждение в существовании одной ритмической единицы. Большинство авторов избирают на роль такой единицы слог (или ударный слог) [1, с. 11]. А. М. Антипова сразу же отказывается от такого подхода. Два положения в ее работе представляются центральными: (1) существует ритмическая система языка, характеризующаяся иерархическим соотношением разных единиц ритма; (2) система ритмических единиц необходимым образом скоррелирована с системой семантико-синтаксических средств. Для прозаической речи автор устанавливает следующий набор ритмических единиц: ритмическая группа, синтагма, ступень, фраза и сверхфразовое единство. Остановимся на этих категориях.

Ритмическая группа английского языка — это ударный слог с последующими безударными. Отметим, что аналогичную единицу выделяют и другие авторы, исследующие германские языки, называя ее акцентной группой (stress group — Брюс, Торсен), стопой (Ришель, Аберкромби и Хэллiday), тактом (Колер и др.). В связи с этим возникают два существенных вопроса. Первый: какова связь ритмической группы с функциональными, значимыми единицами, если ее границы могут и не совпадать с границами последних? (По мнению Н. Торсен, ритмическая группа германских языков определяется не синтаксически, а чисто

просодически» [2, с. 304].¹ Второе: в чем заключается типологическая природа ритмической группы, коль скоро она выделяется как будто бы не во всех языках?

На первый вопрос в книге находим скорее косвенный ответ. Как можно понять, ритмические группы суть единицы, конститующие синтагму, а уже эта последняя — значащая единица. Кроме того, ритмическая группа нередко совпадает с синтагмой, особенно в спонтанной речи (с. 73). Наконец, в частном случае ритмическая группа равна слову. Сама по себе ритмическая группа «слабо оформлена просодически» (с. 61), в то время как синтагма обладает более широким набором просодических средств, обеспечивающих ее оформленность, выделенность и, так сказать, фонетическую унифицированность (с. 55). Мы бы добавили к этому следующее. Ритмическая группа — «базовая единица ритма» (с. 24, 61) в английском языке, основная ее характеристика — тенденция к изохронности отрезков текста, начинающихся ударным слогом. Соответственно для речевого потока это средство преодоления аритмичности на уровне слова, вызываемой разносложностью слов и разпоместностью словесного ударения, для речевосприятия — возможность установить число слов, а в большем числе случаев и их границы. Последнее достижимо в ситуациях, когда ритмическая группа совпадает со словом. В прочих ситуациях задача облегчается обращением к просодической информации о границах синтагмы. Таким образом, ритмическая группа, не будучи непосредственно связана со значимыми единицами, опосредованно участвует и в интегрированности последних в речевой поток, и в их вычлененности из текста, разрешая также конфликт между требованиями ритма как такового и «смысленного», т. е. семантически мотивированного, ритма.

Что касается второго из сформулированных выше вопросов, то в книге воспроизводится, хотя и с оговорками², типологическая схема К. Паика, соглас-

но которой языки могут обладать либо акцентным ритмом, либо слоговым. В языках второго типа ритм сводится к изохронности слогов (с. 23). Классическим примером языка со слоговым ритмом всегда считался испанский. Однако недавние исследования на материале аргентинского варианта испанского языка показали, что и в этом языке существует тенденция к изохронности межакцентных интервалов [3]. Добавим, что слогі любого языка тяготеют к изохронности, если эта тенденция не подавляется другой — в частности, стремлением к выравниванию интервалов между ближайшими ударениями. Можно предположить, вероятно, что акцентные языки отличаются не по наличию / отсутствию ритмической группы, а по ее структуре: ритмическая группа либо начинается ударным слогом, либо завершается им, либо же, наконец, безударные слоги примыкают слева и справа к ударному. Очевидно, это связано с позицией ударения и типом слова в данном языке. В германских языках преимущественная ассоциированность ударения с начальным слогом слова ведет к анкластической структуре ритмической группы (с правым примыканием безударных). В русском языке, где ударению более свойственна срединная позиция, ритмическая группа, совпадая с фонетическим словом, вероятно, не обладает жесткой структурой: безударные слоги могут занимать любую позицию относительно ударного. Большое единообразие английских ритмических групп создает и большую выраженность ритма на данном уровне.

Если ритмическая группа связана со смыслом опосредованно, то синтагма есть «мельчайшая смысловая единица текста» (с. 54). Возможность ее использования в качестве единицы ритма обусловлена более или менее выраженной единообразием фонетического оформления: тенденцией к ограничению слогового и словесного состава, типичностью мелодического контура, временных характеристик и пауз как пограничных сигналов.

Синтагма обычно характеризуется восходяще-нисходящим мелодическим контуром. Но контур может охватывать и несколько синтагм, которые образуют в этом случае некое единство. А. М. Антипова называет такую единицу «ступенью» (с. 58). Автор и здесь подчеркивает, что просодико-ритмическому единству отвечает синтактико-семантическое. Настойчиво проводимый тезис, согласно которому «ритм не накладывается на лексико-грамматическую структуру, а органически связан с ней» (с. 23), представляется очень важным и плодотворным.

Фразу автор рассматривает в качестве

¹ Здесь кроется еще одна чрезвычайно любопытная проблема: получается, что в тексте ударение характеризует не слово, а ритмическую группу. Не лишены ли в этом случае германские языки словесного ударения, подобно французскому, где ударение принято считать не словесным, а ритмическим?

² «Отнесение языка к той или другой категории указывает лишь на общую тенденцию... и не означает, что между видами различной организации существуют непреходимые границы» (с. 23).

ритмической единицы «лишь условно» (хотя и оговаривает предварительность своего вывода): «в тех случаях, когда фраза не совпадает ни с синтагмой, ни с сверхфразовым единством, ее временной разброс столь велик, что периодичность фраз воспринимается с большим трудом, либо не воспринимается совсем» (с. 57). Думается, что, помимо ацизохронности, нужно учитывать и регулярную воспроизводимость мелодического контура. Согласно выводам ряда авторов, соотношение начального и конечного уровней высказываний не зависит от их длительности — это величина постоянная для каждого диктора (она может коррелировать с типом предложения) [4]. Данное обстоятельство, возможно, повышает шансы фразы на роль ритмической единицы, хотя вряд ли полностью компенсирует типичный для предложений разброс длительностей. Но предложению скорес всего и не требуются «сильные» ритмические определители: одна из основных функций ритма — способствовать выделению в потоке речи грамматически и семантически значимых единиц, предсказуемость которых повышается именно за счет ритмизованности. Для предложения же, в силу его грамматической и собственно-интонационной оформленности, актуальность указанной функции снижена.

Экспериментальное исследование А. М. Антиповой показало, что «тенденция к изохронности увеличивается на уровне сверхфразовых единств» (с. 57). Автор называет данный факт примечательным, и это действительно так. Сверхфразовое единство представляет собой, так сказать, «минитекст», у которого — после текста — наибольшая семантическая определенность при наименьшей внешней оформленности. Отсюда тенденция к изохронности и просодической замкнутости фоноабзацев, которым соответствуют смысловые «макрокванты» в составе текста.

Таковы основные единицы ритма в их соотношении, причем «в зависимости от характера текста, его смысла ритмические единицы в плане возрастания или уменьшения их временной соизмеримости могут меняться местами, но во всех случаях ритм прозы представляет собой сложное иерархическое построение, воспринимаемое как целое» (с. 63).

Основные средства обеспечения ритмизации носят просодический характер, поэтому просодике в книге, естественно, уделяется особое внимание. Дается определение просодики, ее компонентов (мелодика, тембра, паузации и пр.), описываются функции просодических явлений (с. 39—51). Рассмотрим лишь некоторые из положений, сформулирован-

ных в книге, прежде всего — трактовку ударения.

А. М. Антипова подчеркивает в начале параграфа, посвященного ударению, что «в советской лингвистике четко различаются словесное и фразовое ударение» (с. 45). К этому надо, конечно, добавить синтагматическое ударение. Правда, в материалах автора 97% синтагм характеризуются децентрализованным ударением — «более или менее равным выделением всех знаменательных слов в синтагме» (с. 55). Говоря о фразовом ударении, Антипова аналогично предлагает различать два его типа — централизованное и децентрализованное. На этих понятиях сто́ит остановиться специально ввиду их теоретической важности.

Последнее время тезис о «неоднородности» синтагмы, тем более — предложения, стал довольно распространенным. Нужно, однако, учитывать по крайней мере следующее. Если синтагма или предложение произносятся нейтрально, то (и в английском и в русском языках) последнее слово выделяется автоматически, и в этом смысле есть все основания говорить о таком слове как находящемся под синтагматическим (фразовым) ударением. В то же время почти любое другое слово в составе синтагмы, предложения может получить собственное выделение, причем это не обязательно будет «смысловый центр», с которым А. М. Антипова склонна отождествлять просодически маркированное слово. В ее примере *Peter Smith left home last night* слова *Peter, left* и *last* признаются выделенными в наибольшей степени, *Smith* и *home* получают вторую степень ударности, а *night* — третью (с. 46). Значит ли это, что здесь смысловой центр — *Peter, left* и *last*? По-видимому, нет. Так же, как и в слове, где имеем один выделенный ударный слог, а остальные обладают различной степенью редукции, в синтагме и предложении есть одно главноударное слово. Но главноударность в данном случае означает всего лишь то, что существуют просодические средства, позволяющие опознавать данное слово как конечное. Это слово действительно может выступать как рема (или ее часть), т. е. своего рода смысловый центр, но может выполнять и любые другие функции. Возможно и одновременное эмфатическое или контрастное ударение на каком-либо слове, включая последнее. Употребимо также акцентное выделение, которое устанавливает опирающееся на контекст соотношение синтаксиса и семантики [5, 6]. Наконец, как структура слова определяет разную степень редукции (соответственно выделенности) безударных слогов, так и в синтагме и предложении тоже имеется незначитель-

м о е распределении просодических маркировок, определяемое конкретной структурой данных единиц. Можно полагать, существуют и другие разновидности просодического оформления слов, для описания которых мы еще не владеем теоретическим аппаратом.

Представления о том, что в синтагме, предложении может быть любое число одинаково выделенных слов, вероятно, являются естественной реакцией на чересчур «ригористические» взгляды об обязательном одном-единственном просодически и семантически выделенном слове. Но реальные факты полипросодичности синтаксических единиц не опровергают понятия (единственного) синтагматического и фразового ударения — они требуют д о п о л н е н и я теории другими типами выделения, которые отличны и функционально, и, возможно, фонетически.

Лишь очень немногое скажем о результатах исследования ритма стихотворной речи (они требуют отдельного разбора). В поэтических текстах своя иерархия ритмических единиц — слог (иногда даже звук), ритмическая группа (стоп), синтагма, строка, строфа (период). Наиболее устойчивая единица стиха — строка. Она же получает ярко выраженное просодическое оформление. Любопытно, что «акцентно-мелодические признаки и признаки изохронности часто компенсируют друг друга. На уровне строки наиболее устойчивыми являются акцентно-мелодические, а также темпоральные характеристики... В более крупных единицах ...усиливается стабильность признака изохронности...» (с. 89).

Мы не смогли отразить многие аспекты книги А. М. Антиповой. В отечественной лингвистике (да, в сущности, и в мировой) это первая работа, поднимающая практически весь комплекс проблем речевой ритмики на материале конкретного языка и ориентированная на понимание ритмики как системы, обращенной и к биологической природе человека, и к его коммуникативным механизмам. Думается, что автором избран единственно верный подход.

Джапаридзе З. Н. Перцептивная фонетика (Основные вопросы). Тбилиси: Мецниереба, 1985. 117 с.

З. Н. Джапаридзе хорошо известен своими работами по восприятию речи, публиковавшимися начиная с 60-х годов. Рецензируемая работа представляет собой в основном перевод первой, теоретической главы его книги, вышедшей

Вполне понятно, что в работе пионерского характера мы встретим и недостатки, недочеты. Некоторые спорные положения уже обсуждались выше. Здесь добавим лишь, что стоило бы подробнее и точнее осветить сравнительно мало известную у нас, но интересную и чрезвычайно популярную в современной зарубежной литературе метрическую теорию ударения. Несколько неожиданным выглядит утверждение о том, что в варианте Либермана — Принса [7] метрическая теория прилагается к изучению стиха (с. 35; поэтическую речь с близких позиций исследовали Халле и Кайзер [8]).

В целом же появление книги А. М. Антиповой, в которой обширный экспериментальный материал дал возможность сделать важные выводы как теоретического, так и практического плана, следует всячески приветствовать.

Касевич В. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чистович Л. А. Проблемы исследования временной организации речи // Сенсорные системы. Вопросы теории и методов исследования восприятия речевых сигналов. Вып. 3. Л., 1972.
2. Thorsen N. On the variability in F_0 patterning and the function of F_0 timing in languages where pitch cues stress // *Phonetica*, 1982. V. 39. № 4/5.
3. Borzone de Manrique A. M., Signorini A. Segmental duration and rhythm in Spanish // *Journal of Phonetics*. 1983. V. 11. № 2.
4. Cohen A., Collier R., Hart J. 't. Declination: Construct or intrinsic feature of speech signal? // *Phonetica*. 1982. V. 39. № 4/5.
5. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
6. Касевич В. В. // ИАН СЛЯ, 1984. № 3. Рец.: на кн.: Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения.
7. Liberman M., Prince A. On stress and linguistic rhythm // *Linguistic Inquiry*. 1977. V. 8. No. 2.
8. Halle M., Kaiser S. J. English stress: Its form, its growth, and its role in verse. N. Y., 1971.

в свет на грузинском языке в 1975 г. [1]. Хотя вопросы восприятия речи в фонетическом аспекте в последнее десятилетие получили в литературе разностороннее освещение, данная работа не потеряла своего значения и сейчас. В ней перцеп-